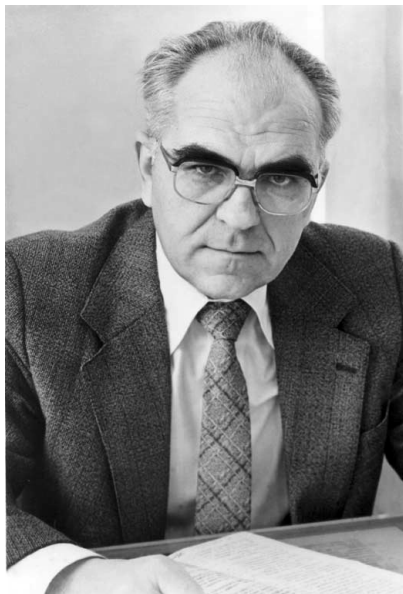

Руденко Юрий Николаевич (1931–1994)

Аннотация. Статья представляет собой сборник воспоминаний о жизненном и профессиональном пути выдающегося ученого-энергетика, академика Российской академии наук Юрия Николаевича Руденко (1931–1994). Через личные свидетельства его супруги (Ф.В. Руденко), коллег и друзей (Н.И. Воропая, И.А. Ушакова, В.Г. Китушина, М.Г. Сухарева, Е.М. Червонного) раскрывается сложная судьба человека, чье детство и юность пришлись на годы репрессий и Великой Отечественной войны. Описывается его путь от самообразования в тяжелейших условиях до руководства крупнейшими научными институтами (Сибирским энергетическим институтом в Иркутске) и Отделением физико-технических проблем энергетики РАН. Особое внимание уделяется его фундаментальному вкладу в развитие теории надежности энергосистем, созданию Автоматизированных систем диспетчерского управления (АСДУ), а также его качествам как талантливого организатора науки, принципиального руководителя и человека редкой порядочности, интеллигентности и обаяния.

1. О жизненном пути

Ф.В. Руденко

По данным биографии Юрия Николаевича Руденко, как и многих его сверстников, на детство и юность которых пали репрессии 1937 года и Великая Отечественная война, – можно написать роман¹.

Родился Юрий Николаевич в маленьком городке Макеевка Сталинской области (Донбасс) 30 августа 1931 года от гражданского брака Конокотина Бориса Владимировича, учителя средней школы по военной подготовке, и Добронравной Элеоноры Леонидовны, учительницы музыки той же школы. Брак распался, когда Юре не было и двух лет.

Вскоре Элеонора Леонидовна выходит замуж за Руденко Николая Михайловича и Юра получает новую фамилию и брата Олега (Руденко Олег Николаевич, родился 29 мая 1929 года, окончил горный техникум и 40 лет отработал на шахте в Джезказгане).

«Счастливым» детство длилось недолго, пришел трагический 37-й год. Отец Николай Михайлович Руденко, работавший начальником сетей и подстанций треста «Донэнерго» в Донбассе, был арестован и сразу расстрелян, как выяснилось из архивных документов после реабилитации. Через несколько месяцев арестовали и

мать Руденко – Элеонору Леонидовну, как жену врага народа, несмотря на ее скромную в то время должность секретаря-машинистки в Доме культуры г. Горловка, и она провела в ссылке восемь лет.

Юру и Олега забрали бабушка и дедушка по матери Добронравные Леонид Трофимович и Аделаида Фердинандовна, которые имели частный дом в г. Феодосии (Крым). Они сыграли огромную роль в воспитании, образовании и становлении характера Юры.

Леонид Трофимович был высокообразованным и культурным человеком. Он преподавал историю и архитектуру в педагогическом техникуме. Сам был неплохим художником, имел картинную галерею, в которой были не только его работы, но и картины известных художников. Несмотря на преклонный возраст – он 1880 года рождения – и ишемическую болезнь сердца его тоже арестовали в 1938 году и осудили на семь лет лишения свободы – за «контрреволюционную пропаганду западного искусства». Юра запомнил, как грузовиками вывозили из дома коллекцию картин, но следов от нее не осталось, ни в каких документах этот факт зафиксирован не был. Оставшиеся книги, эскизы картин и все деревянные пристройки сгорели при бомбежке во время войны.

Дедушка был освобожден всего через год – факт удивительного сострадания к больному человеку, – но в 1941 году скончался. Всю жизнь Юрий Николаевич с теплотой и благодарностью вспоминал его уроки и советы.

Первый класс Юра прошел самостоятельно, вне школы под руководством дедушки, который был строгим и терпеливым учителем. Юра с детства был левшой, но

¹ Фрагменты из книги «Академик Юрий Николаевич Руденко. Воспоминания о жизни и деятельности». – Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2001. – 295 с.

дедушка научил его работать и правой рукой. В результате всю жизнь Юрий Николаевич одинаково хорошо владел обеими руками – и пером, и топором.

Обнаружив способность к учебе и хорошую память внука (Юра уже в семь лет мог дословно повторить один раз прочитанную страницу), Леонид Трофимович заставлял его много читать и учить наизусть. Впоследствии Юрий покорял сердца девушек, читая наизусть поэмы Лермонтова, лирику Пушкина, Есенина и многих современных поэтов.

Проучившись в школе второй и третий классы, он снова перешел на самообразование. Дедушка умер. Началась война, бабушка с внуками оказались в оккупации.

Знаменитый «Феодосийский десант» совершился у них на глазах, линия сражения проходила прямо через их двор, так как дом одной стеной примыкал к крепости в старом порту. Неоднократная смена позиций немцев и наших моряков, постоянная стрельба, бомбежки, дом разрушен... Сохранившиеся вещи, посуда, книги обменивались на кусок хлеба, любое съестное... Постоянные поиски ночлега в сараях и подвалах...

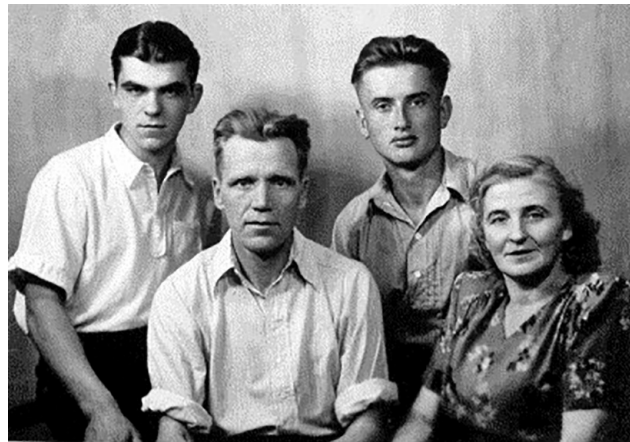
Бабушка умерла в 1944 году, и несколько месяцев братья жили одни. Стреляли из рогатки голубей, ловили раков, спасаться приходилось не только от голода, но и от постоянных бомбежек и обстрелов. Ни о какой школе не было и речи, но тем не менее Юра ухитрялся читать книги, добывая их любыми путями, и вел дневник. Его дневники, сшитые из разных листочков, сохранились.

После освобождения Феодосии, в конце 1944 года братьев забрала сестра бабушки Пенькова Софья Фердинандовна, пережившая свою личную трагедию и оставшаяся одна. Ее мужа расстреляли в 1937 году, 26-летний сын погиб на фронте, а 18-летняя дочь, истощенная голодом, не перенесла воспаления легких. Эта хрупкая, удивительной доброты женщина в свои почти 50 лет взяла на себя заботу о внуках сестры, целиком посвятив оставшуюся жизнь новой семье. Умерла в 1971 году. (По сей день я готовлю по рецептам любимой тети Сони.)

Бабушка привезла Юру и Олега в г. Новотроицк Оренбургской области (тогда – Чкаловской), где обосновались знакомые и родственники мужа, спасаясь от бомбежек, тоже из Крыма. Братьям помогли вырыть землянку. На какие-то, чудом сохранившиеся, вещи сумели выменять козу, разводили кроликов, сажали овощи и картошку.

Только в конце 1945 года вернулась из заключения мать Руденко, Элеонора Леонидовна, с новым мужем Соболев Петром Матвеевичем, который тоже отбывал срок. Два с лишним года землянка была и их домом. Они начали работать, получили двухкомнатную квартиру на пять человек. Постепенно жизнь стала налаживаться.

Несмотря на пережитые годы репрессий и подорванное здоровье, Элеонора Леонидовна и Петр Матвеевич активно включились в трудовую и общественную жизнь, оба были восстановлены в рядах КПСС. П.М. Соболев до пенсии работал на том же Орско-Халиловском металлургическом комбинате (ОХМК), где и Юрий, последние годы освобожденным секретарем партийной организации, дожил до 86 лет.

Э.Л. Руденко с мужем П.М. Соболев и с сыновьями Юрием (слева) и Олегом. Август 1951 года

Мать Ю.Н. Руденко Элеонора Леонидовна (1906–1978) была женщиной властной, обладала прекрасными организаторскими способностями. Из учительницы музыки с домашним образованием она выросла в руководителя народного хора при дворце культуры «Металлург», где исполнялись полностью оперы и оперетты. Она подготовила немало солистов самодеятельности к поступлению в консерваторию, они стали известными певцами в оперных театрах крупных городов страны. До последних дней жизни она поражала всех неутомимостью и трудолюбием. Все эти черты унаследовал Юрий Николаевич, его трудоспособности поражались многие, и умер он практически за рабочим столом.

Ю.Н. и Ф.В. Руденко с детьми Павлом, Петром, Светланой и Сергеем (1982)

Музыку, в основном классическую, Юрий Николаевич очень хорошо знал и любил, имел неплохой голос, но из мальчишеского упрямства не овладел музыкальными инструментами, о чем жалел всю жизнь. Наши четверо детей окончили музыкальную школу по классу фортепьяно, хотя профессиональным музыкантом, к сожалению, не стал никто.

В Новотроицке Юра начал снова учиться сразу в шестом классе, успешно пройдя собеседование за четвертый и пятый. В 1946 году, закончив семилетку, поступил в местный филиал Орского индустриального техникума

ма, который закончил в 1950 году по специальности «Электрооборудование промышленных предприятий». Начал работать по направлению на Орско-Халиловском металлургическом комбинате, где, как упомянуто, после реабилитации работал его отчим.

В том же, 1950 году Юрий Николаевич поступил в Ленинградский заочный индустриальный институт. Закончив институт в мае 1955 года и, сдав вступительные экзамены, тем же летом он был зачислен в аспирантуру Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина.

Кандидатскую диссертацию защитил в марте 1960 года. Несмотря на лестные предложения остаться на кафедре при институте, уехал в Кемерово работать в ОДУ Сибири.

В 1963 году по приглашению академика Л.А. Мелентьева Юрий Николаевич переехал на работу в Сибирский энергетический институт и целиком посвятил себя науке.

Мы с Юрием Николаевичем прожили в браке 32 года, из них 25 лет в Иркутске, там и родились наши три сына и дочь.

Юрий Николаевич был хорошим отцом и мужем, несмотря на свою занятость. Он умел создать вокруг себя атмосферу теплоты и доброжелательности. Безумно любил детей. Был очень требователен к ним, как и к себе, помогал и выручал в любой ситуации, если это не требовало компромисса с совестью. Пережив столько, он был скромен и бережлив в отношении себя, очень аккуратен и чистоплотен.

Наш дом был и остался открытым для друзей, близких и знакомых.

2. Академик Юрий Руденко – ученый и человек¹

Н.И. Воронай

Юрий Николаевич Руденко – академик Российской академии наук, с 1988 по 1994 гг. – академик-секретарь Отделения физико-технических проблем энергетики РАН, до этого 25 лет проработал в Иркутске в Сибирском энергетическом институте (СЭИ) СО АН СССР (сейчас Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН), из них более 15 лет – директором института, выдающийся ученый-энергетик и организатор энергетической науки, лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники и премии РАН им. Г.М. Кржижановского, кавалер многих орденов и медалей.

30 августа 2001 г. Юрию Николаевичу исполнилось бы 70 лет. Но жизнь его внезапно оборвалась в ночь на 7 ноября 1994 г. в результате обширного инфаркта.

Он родился в г. Макеевка Донецкой области. Его отец – Б. Конокотин вскоре ушел из семьи и он был усыновлен Н. Руденко. В 1937 г. его приемный отец был репрессирован, а вскоре была арестована и мать, которую

«досрочно освободили» лишь в 1946 г. Так что в предвоенные и военные годы Юрий Николаевич и его сводный брат О. Руденко оказались без родителей и провели этот период в Феодосии у бабушки, которая умерла незадолго до освобождения Крыма, а сами они чудом уцелели.

Юрий Николаевич Руденко – человек своей эпохи, сложной, противоречивой, полной достижений и разочарований, побед и потрясений. Военное детство, тяжелое бремя ответственности не по годам рано сформировали из него взрослого человека, умеющего четко формулировать цели и добиваться результатов в их достижении. Может быть из этих детских по возрасту, но не по окружающей обстановке и жизненным проблемам лет, выросли те четкость и педантичность, самоорганизованность и самодисциплина, которые стали стилем его жизни до самых последних минут. Тяжелые сороковые и пятидесятые, хрущевская оттепель, успехи и застой семидесятых, перестройка, развал СССР и шоковый период в экономике и жизни России – все это Юрий Николаевич пережил, все воспринимал своим сердцем, заинтересованно и неравнодушно, многое – болезненно. Наверно, поэтому сердце в конце концов и не выдержало.

В 1947 г. Ю. Руденко закончил техникум в Орске по специальности «Электрооборудование промпредприятий» и затем до 1956 г. проработал в электроцехе Орско-Халиловского металлургического комбината (от дежурного подстанции до начальника сетевого района). Одновременно с 1950 г. он учится в Ленинградском заочном индустриальном институте, а в 1960 г. заканчивает аспирантуру Ленинградского политехнического института с защитой кандидатской диссертации.

С мая 1960 г. начинается сибирский период в жизни Юрия Николаевича – он работает в Кемерово в объединенном диспетчерском управлении (ОДУ) энергосистемы Западной Сибири. Три с половиной года работы в ОДУ стали для Ю.Н. Руденко прекрасной школой производственной работы в электроэнергетике и обеспечили ему хороший фундамент для всей его последующей научной деятельности.

С декабря 1963 г. по приглашению академика Л. Мелентьева начался 25-летний период работы Юрия Николаевича в иркутском СЭИ. Сначала он заведовал лабораторией электроэнергетики и энергетических систем, с мая 1965 г. был зам. директора, а с апреля 1973 г. и по август 1988 г. – директором института. Именно в СЭИ произошло становление его как выдающегося ученого-энергетика с мировым именем, крупного организатора науки и общественного деятеля.

Как ученый, Юрий Николаевич очень остро чувствовал актуальные проблемы, по его инициативе организовывались «мозговые штурмы» с целью формирования задела, «прорыва» по той или иной проблеме. В конце 1960-х – начале 1970-х одной из таких проблем была концепция создания Автоматизированной системы диспетчерского управления (АСДУ) Единой электроэнергетической системы (ЕЭЭС) СССР. Это было на самом деле очень актуально в то время: только что

¹ Оригинал статьи см. <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/2001/n32-33/f07.html>

(в середине 1960-х) завершилось формирование ЕЭЭС подключением Объединенной ЭЭС Сибири к остальной части ЕЭЭС, активно начало функционировать Центральное диспетчерское управление ЕЭЭС СССР, начали внедряться ЭВМ для решения задач диспетчерского управления. Была организована инициативная бригада из ведущих электроэнергетиков института, работой которой руководил Ю. Руденко. Результатом была логично изложенная концепция иерархической АСДУ ЕЭЭС СССР, опубликованная в серии статей в журнале «Известия АН СССР. Энергетика и транспорт» в 1969 г.

Концепция АСДУ была комплексным трудом, ярким примером системного подхода, в котором СЭИ был уже признанным лидером, и рассматривала все уровни иерархии диспетчерского управления в территориальном, временном и ситуативном аспектах. Конечно, многие тогдашние представления потом пересматривались – жизнь вносила свои коррективы, но дело было начато. Логический итог – присуждение в 1986 году коллективу под руководством Юрия Николаевича Государственной премии СССР в области науки и техники – за комплекс работ по теоретическим основам и реализации АСДУ ЭЭС.

Другой такой крупной проблемой стала разработка в конце 1970-х годов по инициативе Л. Мелентьева Энергетической программы СССР на длительную перспективу. Юрий Николаевич тогда отвечал за электроэнергетический блок. Несмотря на удаленность Иркутска, он организовал эффективную работу коллектива, состоящего из специалистов разных организаций, в том числе из СЭИ.

Эти качества Юрия Николаевича как ученого и организатора науки – раньше других «замечать» актуальную проблему и организовать «прорыв» на ее «фронте» – проявились отчетливо и в других случаях. Может быть, одним из наиболее ярких оказалась постановка межотраслевой проблемы надежности систем энергетики, вылившаяся в научный семинар «Методические вопросы исследования надежности больших систем энергетики», организованный Юрием Николаевичем в 1973 г., который единственный в России продолжал функционировать даже в самые тяжелые годы и продолжает успешно работать до сих пор. Правда, когда в 90-е годы стало ясно, что финансовые проблемы становятся камнем преткновения, произошел срыв одного из семинаров в 1994 году, в Нововоронеже – тогда буквально за неделю до его начала посыпались массовые телеграммы от участников о невозможности приехать. Юрий Николаевич очень переживал этот срыв.

Большинство научных идей Юрия Николаевича, которые реализовывались им и его учениками, были оригинальными. Но были и уникальные случаи. Одна из таких идей теоретического, чисто математического плана – совершенно оригинальный подход к использованию метода функций Ляпунова для оценки устойчивости динамических систем при множестве следующих друг за другом возмущений. Для электроэнергетических систем такая постановка очень актуальна. И это при том, что Юрий Николаевич не был математиком по об-

разованию. Но идея была представлена математически исключительно корректно.

С именем Ю. Руденко много связано в Иркутске и области. В 1970-е годы он был инициатором создания НПО «Энергия», сплотившего энергетиков области на решение актуальных практических задач, много лет возглавлял областной межведомственный координационный совет по внедрению вычислительной техники в народное хозяйство. Был инициатором принципиально новой в те годы формы подготовки специалистов – учебно-научно-производственного комплекса (УНПК) Иркутского политехнического института (ИПИ) и СЭИ. Тогда, в 1978 г., эта форма была новой и, более того, приказ-постановление Минвуза РСФСР и Сибирского отделения АН СССР об организации УНПК ИПИ-СЭИ был первым (а возможно, остался вообще единственным).

Юрий Николаевич большое значение придавал развитию энергетических исследований в Сибирском отделении АН СССР. Он был инициатором создания в Тюменском научном центре «выносного» отдела энергетики на базе СЭИ, оказывал постоянное внимание и поддержку развитию коллектива энергетиков в Институте физико-технических проблем Севера Якутского научного центра СО АН СССР.

Еще одна сторона личности Юрия Николаевича связана с его зарубежной научной активностью. Он долгое время был членом СИГРЭ (одна из известнейших и авторитетнейших научных организаций мира), был знаком со многими крупными западными учеными и специалистами, видел, что на Западе не знают и не ценят нашу науку, и глубоко переживал эту ситуацию. Этим, собственно, было продиктовано его стремление организовать ряд международных семинаров по надежности систем энергетики, в том числе три российско-германских семинара совместно с профессором Хаубрихом, директором Института электроустановок и энергохозяйства технического университета Аахена, и четыре семинара по межгосударственным энергообъединениям и мировой энергосистеме совместно с академиком АН Венгрии Капойи.

В этом же ряду стоит организация международной энергетической исследовательской лаборатории в Будапеште при спонсорской поддержке академика Капойи. Первым директором этой лаборатории был Ю. Кучеров, заведующий лабораторией СЭИ, сейчас он начальник Департамента научно-технической политики и развития РАО «ЕЭС России». После Ю. Кучерова международную лабораторию возглавлял Д. Ефимов, также сотрудник СЭИ.

Вспоминается страстное выступление Ю. Руденко на одном из заседаний диссертационного совета СЭИ в конце 80-х годов. Лейтмотивом его был призыв: пишите статьи в зарубежные журналы, выступайте с докладами на международных конференциях, активно сотрудничайте с зарубежными учеными. Юрий Николаевич видел, что отношение к науке в стране коренным образом меняется в худшую сторону, и только международное признание, международная активность могут как-то поддержать коллектив института, не позволяя растерять наработанный потенциал

и кадры в условиях растущей не востребоваемости науки в стране. Время показало, что он был абсолютно прав: сегодняшние позиции института во многом определяются тем, что нас знают и высоко оценивают за рубежом.

Самого Юрия Николаевича как ученого очень высоко оценивали все зарубежные специалисты, кто с ним общался. Поражала широта и одновременно глубина его научных интересов, системность научного мышления, отсутствием которого страдают многие наши зарубежные коллеги, да и российские тоже.

В 1988 году Юрия Николаевича избирают академиком-секретарем Отделения физико-технических проблем энергетики АН СССР, и в августе того же года он переезжает в Москву. Начинается московский период его жизни продолжительностью чуть более шести лет – до 7 ноября 1994 года, дня его неожиданной кончины.

То, что Юрия Николаевича члены ОФТПЭ избрали академиком-секретарем отделения, мне кажется закономерным. Именно он, человек с системными и разносторонними знаниями в области энергетики, оказался на месте и сумел существенно интегрировать различные направления ОФТПЭ – теплофизику, электрофизику, ядерную энергетику и ряд других. Излишне говорить, что со своими исключительными организаторскими способностями он также оказался на месте.

Юрий Николаевич в начале 1990-х годов предпринял активные усилия по налаживанию конструктивных контактов ОФТПЭ РАН с Минтопэнерго РФ, РАО «ЕЭС России», РАО «Газпром», Советом безопасности РФ, Международной топливно-энергетической ассоциацией, по расширению международных связей. Одновременно он продолжал и активную научную работу, а также руководил научными советами, семинарами и т.д.

Большой заслугой Ю. Руденко в этот период его жизни является формирование новых направлений системных исследований в энергетике с учетом изменившихся условий и требований. Это относится прежде всего к таким проблемам, как создание межнациональных и глобальных энергетических систем, энергетическая безопасность России и ее регионов, научно-организационное обеспечение разработок и сопровождения энергетических стратегий и программ различного уровня.

Юрий Николаевич остро переживал потерю позиций российской энергетики в результате перестройки, а затем экономического кризиса после распада СССР. Он отчетливо понимал, что в рыночных условиях западные энергокомпании будут отводить нашей стране роль сырьевого придатка.

Могу с уверенностью сказать, что в целом Юрий Николаевич одобрял идеи перестройки и те тенденции либерализации экономики и общества, которые развивались с конца 1980-х годов. В то же время он глубоко переживал распад СССР и последующие экономические и социально-политические катаклизмы в России, начиная с 1992 года.

Юрий Николаевич не воспринимал и принципиально не принимал многие решения начала 90-х годов, такие, например, как акционирование и ваучерная приватиза-

ция. Как специалист-энергетик, он глубоко понимал, что эти процессы ведут к раздроблению целенной организованной энергетики, к потере ею системных свойств и в конечном счете – к существенному снижению эффективности и надежности энергоснабжения потребителей. Особенно его раздражало и выводило из себя то, что все эти преобразования делались наскоком, без серьезных и глубоких исследований тех последствий, к которым они могут привести. С этой точки зрения он положительно оценивал создание РАО «ЕЭС России» как попытку сохранить в каком-то виде технологически и технически единую энергосистему страны, но в то же время критиковал поспешность и недостаточную продуманность тех шагов. Хотя Юрий Николаевич, конечно, отчетливо понимал, что спешить нужно было, иначе центробежные тенденции могли бы привести к раздроблению электроэнергетики.

Юрию Николаевичу, человеку глубоко порядочному и честному, было невозможно принять те новые для нашего общества «ценности», которые начали развиваться в 90-е годы. Для него было непонятно, как человек может говорить одно, а делать – совершенно противоположное, публично объяснять свое поведение какими-то высокими идеями, в то время как подоплека его действий лежит на поверхности и она кардинально отличается от словесной трактовки, и эти действия явно не порядочны.

Драматизм ситуации для Юрия Николаевича в последние годы его жизни, мне кажется, как раз и заключался в том, что весь его жизненный опыт, сложившееся цельное мировоззрение в широком смысле, жизненная позиция, вошли в противоречие с реальной действительностью начала 90-х годов. Я совсем не хочу сказать, что Юрий Николаевич не знал теневых сторон бывшей партийно-номенклатурной системы или отмахивался от них. Совсем нет, но тогда он видел, как ему казалось, какие-то возможности, рычаги борьбы с такими теневыми сторонами и, прежде всего, личным примером. В этом, конечно, проявлялся определенный романтизм Юрия Николаевича, его уверенность, что в целом система правильная, и хотя в ней есть отрицательные моменты, но они устранимы.

Все, кто работал с Юрием Николаевичем Руденко, попадали под обаяние личности этого человека, его системного мышления, огромной работоспособности, высочайшей ответственности и обязательности, и в то же время – мягкости и интеллигентности в общении, сочетавшихся с твердостью в отстаивании принципиальных позиций.

3. А для звезды, что сорвалась и падает...

И.А. Ушаков

Первая встреча. Говорят, что с годами все труднее найти настоящего друга. Но вот мне посчастливилось встретиться и подружиться с Юрием Николаевичем Руденко, когда каждому из нас было уже далеко за со-

рок... И он стал для меня лучшим другом – преданным, искренним, интеллигентным... Тем более трагичен для меня был его преждевременный уход...

Мне хотелось бы поделиться своими воспоминаниями об этом замечательном человеке, который для многих был образцом неповторимой честности, нестигаемой принципиальности и самоотверженного труда. Мне не хочется вовсе превратить эти воспоминания в оценку его профессиональных достижений и его вклада в развитие советской энергетики. Я хотел бы вспомнить несколько ситуаций, которые показывали бы его с «человеческой» стороны, если хотите, в его повседневной, а не только профессиональной жизни.

Впервые я услышал о Ю.Н. в Болгарии от одного из его ближайших друзей – профессора Петера Тошева, с которым они учились вместе еще в институте в Ленинграде. Тот дал мне адрес Ю.Н. и сказал, чтобы я непременно с ним связался, так как может оказаться, что это будет интересно и полезно для нас обоих. И он оказался прав. Вернувшись из Софии, я сразу же послал письмо Ю.Н., ответ от которого получил немедленно. (Те, кто его знал, помнят, что Ю.Н. был весьма пунктуален.) Вскоре он приехал в командировку в Москву, позвонил мне вечером домой и мы договорились о встрече на следующий день у меня дома в 8:30 утра. Однако в 7 утра меня сдернул с постели звонок из секретариата директора моего института (работал я в одном из предприятий военно-промышленного комплекса): меня срочно вызывали по поводу каких-то проблем на испытаниях аппаратуры. Не проснувшись как следует, второпях одевшись, я помчался на работу и... начисто забыл о встрече с Ю.Н.!

Ю.Н. Руденко и И.А. Ушаков (слева)

Пришел я домой уже после восьми вечера и мне домашние сообщили, что ровно в 8:30 пришел Ю.Н., был явно обескуражен моим отсутствием и, оставив записочку со своим телефоном, ушел. Вы понимаете, как он

– всегда предельно точный и даже чрезмерно аккуратный по части встреч – отреагировал на мое разгильдяйство. Ведь мог хотя бы домашних попросить извиниться за мое отсутствие из-за неожиданного вызова на работы!

Итак, начало наших отношений складывалось хуже некуда. Я тут же бросился звонить ему по оставленному телефону, встретил холодный и достаточно жесткий голос, сожалеющий, что мы не сможем встретиться, поскольку завтра утром он улетает в Иркутск. На улице лил проливной дождь... Стоя у окна во время разговора, я видел, что на улице напротив моих окон на стоянке такси стояло две машины. Я сказал, что не все еще потеряно и я буду у него через 20 минут. Он хмыкнул, дал мне адрес и сказал, что хорошо будет, если я приеду через час: он сам ехал ко мне на такси минут 30. Я рванул к двери (азарт проснулся), без зонта, мокрющий влетел в такси и сказа шоферу, чтобы он мчал во всю прыть, за скорость – трешку сверху. Мы мчались, не глядя на светофоры, которые мутными пятнами светились вдаль – «дворники» едва успевали сметать бурные потоки дождя... Благо, что в такую погоду любителей кататься на машинах и ходить по улицам почти не было. Мы домчались меньше, чем за 20 минут...

Это несколько исправило мою репутацию в глазах Ю.Н., хотя «отрабатывать» потом пришлось долго! Поговорили, чуток выпили, потом попили и чайку... Между нами как-то сразу установился необычный душевный контакт. (В таких случаях, о подобных встречах с особями противоположного пола говорят о любви с первого взгляда.) Начало дружбе было положено.

Он пригласил меня на свой семинар на остров Ольхон. Я с удовольствием согласился: давно мечтал хоть одним глазком взглянуть на Байкал.

Семинар на Ольхоне. Получил приглашение от Ю.Н.: лечу на свой первый семинар в Иркутске, да еще на Байкале! Спросил про погоду, про форму одежды. Первая – отличная, вторая – произвольная... Так и решил: лечу с рюкзаком, в ковбойке и джинсах, на всякий случай – свитерок (ведь все же Сибирь, что ни говори!).

Прилетел. Схожу с самолета. «Ваши документики!» Ну, не спеша снял рюкзак, порылся в нем, достал паспорт. «По какому делу?» – «Да вот, товарищ, еду к другу, директору СЭИ...». Чувствую, что переборщил слегка с одежкой... Можно было бы и пиджачок нацепить – вон приличную же публику не шмонают! Смотрю, вот-вот с милых милицейских уст сорвется знакомое: «Тамбовский волк тебе товарищ!»

Тут вдруг из вечной аэропортовской толчи возникает Ю.Н., показывает свое удостоверение и берет меня «на поруки». Я спрашиваю (но очень-очень миролюбиво – ведь власти не любят качающих права): «А в чем дело-то?» – «Да вот убег тут уголовничек один, рецидивист. По описанию шибко на вас смахивает...». Повеселились мы потом с Ю.Н.!

Пужинали у него дома, чем Бог послал. (А посылал тогда бог в Сибири не густо: что-то не любил старикашка этого прекрасного края... А вот то, что шло помимо бога,

«Конференц-зал» (семинар на Ольхоне)

через обком, тем Ю.Н. принципиально не пользовался, чем вызывал неудовольствие власть предержащих: кто же любит белых ворон!).

Рано утром поехали в Листвянку, а оттуда на институтском «крейсере» на остров Ольхон. Там уже разбит палаточный лагерь, и «конференц-зал» – тент, под которым размещались, прячась от жаркого летнего сибирского солнца, «конферененты».

Уже на утро, на первом же заседании, произошел интересный эпизод. Конечно, главной фигурой этого эпизода был Ю.Н. Выступал один начинающий быть известным специалистом в области надежности в энергетике человек. Фамилию не забыл, но зачем вам она, а? Так вот, сообщает он нам о расчете резервированных трубопроводных систем. Понесло его немного «не в ту степь». Закончил. Стоит чуть ли не в смокинге, подвязан «галстухом». Млеет от жары, но горд. Вопросы. Я замечаю ему: «А вот та формула у Вас неверна...». – «Как не верна? Эта формула взята из Справочника по надежности Ушакова!». – «Ну, и у Ушакова бывают ошибки... Главное, что эта формула применена у вас неправильно...». – «Что вы мне тут говорите! Я уже три года занимаюсь проблемой надежности!». В этот самый момент Ю.Н., пряча, как всегда, улыбку в усах (которых у него отродясь не было), говорит: «Успокойтесь, Аристарх Евлампиевич (допустим так звали того будущего специалиста). Обсудите этот вопрос после заседания в

Столовая (семинар на Слюдяных озерах)

рабочем порядке с профессором Ушаковым...» – и сделал жест рукой, как бы представляя меня. Зал (если так можно назвать пространство под навесом), грохнул от смеха. Но Аристарх был молодец, заржал и сам.

Вот так Ю.Н. свел на нет ситуацию, которая могла дойти до «интеллектуального мордобоя»... Вообще нужно сказать, что уметь быть серьезным председателем конференции и внезапно находить эффектные и в то же время эффективные ходы было отличительным свойством Ю.Н. При этом он все делал так, что человеческое достоинство ни одной из сторон никогда не было затронуто.

Круиз по Байкалу. Однажды утром, еще до шести (по Москве), раздается звонок. Звонит из Иркутска секретарь Ю.Н. и милым голоском сообщает мне, что завтра утром из Листвянки отходит институтский «Титаник», отправляющийся в кругобайкальское путешествие в честь юбилея Ю.Н. Руденко, и я имею место быть приглашенным гостем, не забыл ли, мол. Я спросонья никак не могу понять: как завтра утром? А как же с билетом? А как успеть оформить отпуск? Это же невозможно! Но, если уж очень хочется, то все возможно! (И как же я упустил: мне обо всем уже было сказано давным-давно!)

Одним словом, успел вылететь в тот же день, правда билеты доставал через знакомых в ... впрочем, этом не важно, где... Но на безрыбье и сам рыбой станешь!..

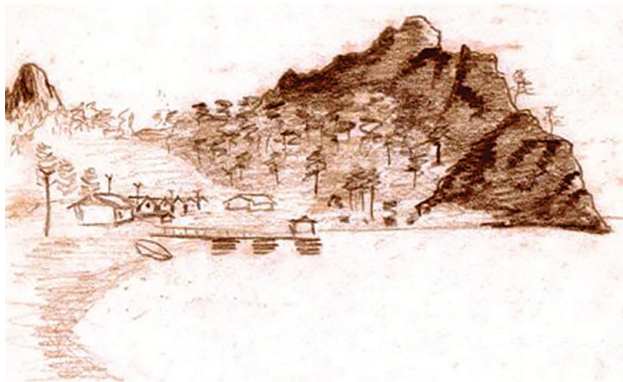

Одна из немногих минуток отдыха (семинар на Слюдяных озерах): Руденко, Зиночка и Слава (Ушаков-младший)

Прилетел, переночевал в гостеприимном доме Руденко, а наутро – в путь! Путешествие было преинтереснейшим во всех смыслах. Увидеть Байкал весь – вот так «от души» – стало моей мечтой после первой с ним встречи. И мечта эта, наконец-то, сбылась! Мы пробороздили Байкал с юга на север по западной его стороне, а вернулись назад по восточной.

Именинник был душой общества, а мы с Алексеем Макаровым были «отдушинами». Дело в том, что Ю.Н. собрал в основном своих старинных друзей, с которыми он учился в институте в Ленинграде. Все его очень любили, но каждому казалось, что именно ему уделяется мало внимания, хотя Ю.Н. только тем и занимался, что

«обслуживал» друзей. Среди друзей (и не только среди прекрасной половины человечества!) начались буквально сцены ревности. Нужно было спасать положение. Мы с Алексеем начали «отвлекающую психотерапию»: выпускали «корабельную» стенгазету, устраивали концерты самодеятельности, спортивные соревнования, конкурсы народно-туристской песни у костра, на борту создали «кактусерий» из представителей прибайкальской флоры, и т.п. Конечно во всех этих «общественных мероприятиях» Ю.Н. участвовал активнейшим образом.

Бухточка на Байкале (рисунок И.А. Ушакова)

Этот поход был и очень полезен: мы обсудили массу деловых проблем. (Ведь Ю.Н., вообще-то говоря, не умел отдыхать!)

Живучесть: живу-честь, живуч-есть, жив – учесь! Я начал с каламбура Ю.Б. Гука, изобретенного им на одном из семинаров, посвященных именно проблеме живучести энергосистем. Но это будет много позже. А начиналось все следующим образом.

Однажды после очередного семинара, который проходил в «Интуристе» на берегу Байкала при устье Ангары, мы с Ю.Н. остались вдвоем на пару дней. Он сказал мне, что есть одна идея, о которой нужно поговорить.

Стояли удивительно солнечные мартовские деньки. Мы ходили, жмурясь от солнышка, по двухметровой толще прозрачайшего байкальского льда. Если приглядеться, то можно было увидеть даже темные силуэты рыб, лениво проплывавшие под ногами, водоросли... Особенно хорошо было видно, если лечь на лед, очистить его от снежной пороши и посмотреть, как смотрят днем в окно избы, прикрываясь руками от внешнего света.

Разговор пошел о живучести систем энергетики, т.е. их способности противостоять «недружественным» преднамеренным воздействиям. Понятно, что супостат не будет громить что угодно, а всегда будет выбирать наиболее уязвимые точки, «узкие места» в системе. Какой должна быть структура системы, чтобы успешно противостоять самым опасным отказам? Такого рода постановок задач в тогдашней теории надежности на то время не было. За общим разговором последовали часы обсуждений, формулировок задач, подготовки плана и разработки «стратегии и тактики» вовлечения заказчиков.

Спустя какое-то время, мы с Ю.Н. в Москве поехали на встречу к некоему важному чиновнику на прием. Идея-таки овладела массами! (А масса у того чиновника была немалая.) «Генерал» (будем так условно называть чиновника) спросил нас: «Знаете ли вы, что надо делать в случае нанесения по стране ядерного удара?» Это было так похоже на начало популярного в то время анекдота, что мы с Ю.Н. невольно хмыкнули. (Кто знает, может, «Генерал» – весельчак?) «Генерал» вопросительно взглянул на нас. Тут меня дернул черт за язык и я продолжил тот известный анекдот до конца: «Надо завернуться в белый саван и без паники ползти на кладбище...» Немая сцена из «Ревизора» в исполнении лучших МХАТовских классиков не пошла бы ни в какое сравнение с тем, что случилось тогда! Благо, опять, как всегда, положение спас Ю.Н. Он сказал что-то типа: «Анекдоты – анекдотами, но мы, кажется, действительно немножко представляем, что надо делать в такой ситуации».

Получилось, что мы с «Генералом» разыграли перед Руденко анекдотец, дав ему в руки инициативу. Конечно же, заявление Ю.Н. было некоторым преувеличением (в случае массивного удара противника анекдот оставался в силе), но в результате заказ для института был получен.

Проблема действительно была не только важная, но и интересная, хотя, нужно заметить, что «централизация и живучесть – две вещи несовместные», как сказал бы Пушкин на нашем месте.

Написание книги. Уж не помню, когда и как возникла идея написать книгу по надежности в энергетике. Конечно, многое было предопределено семинарами СЭИ по надежности энергосистем: нужна была хотя бы общая терминология, какие-то унифицированные методы расчета надежности, акцентирование на специфических сторонах систем энергетики.

Поначалу писалось легко: каждый дудел в свою дуду, не думая о партнере. (Хотя план всей книги, конечно же, был.) А вот «сшивание» рукописи, редактирование, стыковка глав давались трудно, несмотря на то, что у нас никаких принципиальных разногласий не было. Очень сочувствовали мы тогда Ильфу и Петрову, Ландау и Лифшицу, Карцеву и Ильченко...

В основном вместе мы работали, когда Ю.Н. приезжал в командировку в Москву. Появлялся он у нас в доме замотанный, голодный не раньше семи-восьми вечера. Все предложения насчет ужина категорически отвергал. Мы сидели в моем кабинете часов до десяти, после чего я, ссылаясь на головную боль (на чем-то нужно было сыграть!), говорил, что пора бы перекусить... Вконец измученный Ю.Н. наконец-то соглашался...

В период написания книги, когда я приезжал в Иркутск, мы иногда на субботу-воскресенье уезжали на его дачу. Вообще-то Ю.Н. старался проводить как можно больше свободного времени, но как мало его у него было... Гораздо больше мы занимались книгой во время семинаров вечерами, после заседаний. Ох, сколько чудесных байкальских вечеров испортил мне Ю.Н.!

Книга наконец вышла в формате «роман-газеты» – в мягкой обложке, нелепо большая и нелепого голубого цвета... Читать ее можно было, только сидя за большим письменным (на худой конец, обеденным) столом. Хорошая ли получилась книжка, не мне судить. Во всяком случае, подобной до того не было. (Хотя это, возможно, аргумент больше против, чем за.) Ее даже собиралось переводить на английский одно нью-йоркское издательство, но умудрилось еще до заключения договора обанкротиться, так что не мы были тому виной...

Дача Руденко (рисунок И.А. Ушакова)

Книга эта попала на глаза Б.В. Гнеденко, которому понравилась некоторыми совершенно новыми постановками задач. Мы с Ю.Н. встречались с ним в его квартире в главном здании МГУ. Разговор был неспешный, обстоятельный, с чаепитием под Моцарта и домашние печения... Б.В. дал много советов, указал на некоторые математические неточности. Он порекомендовал нам поработать над вторым изданием. Через три года, в 1989 г. книгу переиздало Сибирское Отделение. Книга получилась более солидной (хотя бы внешне). Мы показали ее в окончательном варианте Борису Владимировичу, он дал нам еще несколько советов и, по нашей просьбе, согласился быть титульным редактором.

Когда я уже преподавал в Университете Джорджа Вашингтона, Ю.Н. сообщил, что будет на каком-то совещании в Америке и прилетит в Вашингтон на один вечер. Естественно, что не заехать к нам он не мог, а к тому же, как он сказал, у него была интересная новость. Прилетел он в Вашингтон. Мы забираем его из гостиницы, привозим к нам домой. Перед ужином Ю.Н. достает нечто завернутое в бумагу, размером с пол обеденного стола, разворачивает и вручает мне громадную папку: «Ну, поздравляю, получили мы с тобой премию им. Кржижановского за монографию «Надежность систем энергетики»! И премия нам положена огромная, как хорошая Государственная – 50 тысяч рублей! Так что при нынешнем курсе рубля причитается каждому из нас по восемь долларов и 40 центов!»

Все комментарии по этому поводу я пропускаю, можете не закрывать глаза и не затыкать уши...

Вместо заключения. Были ли соизмеримые или даже лучшие организаторы науки в СЭИ? Пожалуй, были... Были ли соизмеримые и даже лучшие специалисты в области энергетики в СЭИ? Да, пожалуй, тоже были (хотя, возможно, по диапазону и уже)... Но чем же тогда брал Руденко? На мой взгляд, тем, что это был руководитель и специалист с удивительно обаятельной человеческой личностью. В этом смысле, он был уникален. Посудите сами. Целеустремленный и даже порой жестковатый руководитель и, в то же время, деликатный и предельно отзывчивый к чужим бедам и трудностям... Высокопрофессиональный специалист, который при общении никогда ни перед кем не показывал своего профессионального превосходства... В среднем довольно скупой и даже суховатый в общении, взрывающийся иногда неожиданными блестящими юмором и остроумием...

Ю.Н. Руденко и И.А. Ушаков (справа) на борту институтского пароходика

Человек он был предельно честный, принципиальный, бесребреник. Порой он выглядел даже неким Дон Кихотом, кои практически вымерли нынче на Руси... Мне кажется, что избрание его академиком-секретарем Отделения Энергетики Академии Наук было для него роковым... Нельзя Антеям отрываться от земли-матушки! Но долг есть долг, а Юрий Николаевич был всегда человеком долга прежде всего.

4. Печать доброго чувства навсегда¹

В.Г. Китущин

Судьба сводит нас с людьми, которых вольно или невольно с кем-то сравниваешь, порою даже особо не задумываясь о критериях этого сравнения. Встреча с Юрием Николаевичем как-то сразу нарушила эту схему. Это началось уже с первого знакомства на симпозиуме в Иркутске, в новом, только что построенном здании СЭИ. Взгляд, увлекающая глубина глаз, стремительность,

¹ Из книги «Академик Юрий Николаевич Руденко. Воспоминания о жизни и деятельности». – Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2001. – 295 с.

убежденность, четкость – все это харизматически подчиняло, влекло, а он показывал свои владения – электродинамическую модель, рассказывал о планах...

Дальнейшее знакомство все больше сближало с ним и раскрывало все новые и новые грани этого удивительного человека. Получалось как-то естественно, что он мог занять позицию наставника (например, как оппонент, консультант по моим диссертациям), позицию начальника и поручать какие-то дела (хотя я никогда не был у него в подчинении по службе), друга (провести душевные беседы за чаркой) и друга семьи (желанный гость дома в любое время). И это все происходило, воспринималось как само собой разумеющееся.

Естественным получалось и то, что, оказываясь в Иркутске (или потом – в Москве), попадаешь в душевную атмосферу его семьи, созданную заботами Инны Вячеславовны.

И вот теперь, вглядываясь издали в этого человека, даешься диву, только перечисляя те качества, которыми он был одарен и по которым недосыгаемо возвышался над окружающими.

Думаю, тема «Юрий Николаевич Руденко» безгранична и достойна более талантливых перьев, чем перья «технарей», привыкших все анализировать, моделировать и рассчитывать. Но в одном можно быть убежденным: у каждого, кто повстречал этого человека, печать яркого, доброго, невозвратно щемящего чувства навсегда осталась в душе.

5. Образец руководителя научных форумов¹

М.Г. Сухарев

У меня дома на рабочем столе под стеклом лежит фотография Юрия Николаевича Руденко. Черные брови, серые, почти седые волосы, сжатые, прямые губы, взгляд на меня. Не знаю, когда и где сделан снимок, но думаю, что на одном из последних семинаров, который прошел под его руководством. Я встречался с Юрием Николаевичем и на комиссиях разного ранга, и в домашней обстановке, но чаще всего на заседаниях семинара по надежности. Поэтому, когда думаю о нем, память чаще всего подбрасывает сцены семинарской жизни.

Память удерживает немного. Открываю двенадцатый выпуск трудов семинара «Экономико-математические модели для исследования надежности систем энергетики», чтобы вспомнить дату. Написано: в сентябре 1976 года в г. Фрунзе состоялось двадцать первое заседание постоянно действующего научного семинара... Это было 2-е заседание, на котором я присутствовал, и 1-е, которое при мне вел Юрий Николаевич. Предыдущее, в Новосибирске, прошло без его участия. Видно в мире произошли какие-то неординарные события, которые

ему помешали приехать. Других случаев отсутствия не припомню. Уже будучи на высокой административной должности в Академии наук, он всегда находил время, чтобы лично возглавить, лично открыть, лично выслушать все доклады от первого до последнего.

Юрий Николаевич на семинарах – это особая тема. Я не помню случая, чтобы он пропустил хотя бы один доклад. Всегда в первом ряду, сбоку с ручкой наготове. Поразительная работоспособность этого человека проявлялась в том, что он никогда не дремал и, по-видимому, почти не отвлекался. На заседании оргбюро, когда решали, что публиковать, а что забраковать, ясная позиция по каждому пункту. Строгость при отборе материала сочеталась с доброжелательностью: и «старых» участников нельзя обидеть, и молодым нужно открыть дорогу на следующие заседания.

Юрий Николаевич был очень пунктуален. Как тщательно он продумывал планы работы семинара! Потому и шло все как по маслу, потому-то и оказывались выполненными все (известные мне) его начинания. Недавно завершено издание четырехтомного справочника по надежности систем энергетики. А первый по времени – «Надежность систем газо- и нефтеснабжения» – вышел под моей редакцией в 1994 году. Сколько сил потребовалось для его выпуска. Но о потраченном времени, силах я не жалею. Сигнальный экземпляр в твердом переплете – все, как положено, – я отдал Юрию Николаевичу буквально за два дня до его смерти. Он был, как мне показалось, бодр, энергичен и очень обрадовался первой ласточке, первому реальному свидетельству того, что эпохальная идея будет реализована. Слава Богу, что я не отложил это на несколько дней, оправдывая себя наступающими праздниками или чем-либо еще.

Отмечу еще некоторые, особенно запомнившиеся черты Юрия Николаевича. Меня поражала его память на лица и имена-отчества. В преддверии открытия очередного заседания семинара, встречаясь с кем-либо из прибывших, мучительно соображаю, видел ли я раньше этого человека. Юрий Николаевич пожимает ему руку, обращается по имени-отчеству, а после выясняется, что этот участник появился на семинаре во второй раз после двух-трехлетнего отсутствия.

Об атмосфере, царившей в СЭИ, с гордостью говорят все, кто там работал и работает. Иногородным, приезжавшим в Иркутск, особенно приятно было оказаться в работоспособном жизнерадостном коллективе. Я так просто оттаивал после Москвы с ее византийскими интригами, с ее принципами «думаю одно, говорю другое, делаю третье». Нельзя, конечно, ставить все в заслугу Юрию Николаевичу. Но без него, наверно, не было бы той ауры, он был признанным формальным лидером коллектива, хорошо в него вписывался. В эпоху, когда слова живого нельзя было прочесть в газетах и журналах (разве что только на заборах), я, как и другие гости СЭИ, с наслаждением от корки до корки прочитывал стенные издания с вольными шуточками в адрес руководства. Руководство считало и это творчество естественным и,

¹ Из книги «Академик Юрий Николаевич Руденко. Воспоминания о жизни и деятельности». – Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2001. – 295 с.

следовательно, попустительствовало. Не помню, чтобы в какой-то неофициальной компании присутствие Юрия Николаевича вызывало бы скованность и сдерживало языки.

Видимо, болью за Россию объясняется его резкое неприятие изменений в общественно-политической жизни во второй половине 80-х и особенно в 90-х годах. Для меня он был и остается образцом человека и ученого, потеря которого чувствуется постоянно. Его роль в энергетической науке с годами не только не теряется, но становится более осязаемой.

6. О семинаре и близком человеке¹

Е.М. Червонный

Наше знакомство с Ю.Н. Руденко состоялось в январе 1973 года во время совещания группы специалистов во ВНИИЭ, созванном для уточнения программы разработки нормативов надежности электроснабжения.

В 1987 году была организована секция развития и функционирования электроэнергетических и теплоснабжающих систем Научного совета по комплексным проблемам энергетики ОФТПЭ АН СССР, председателем которой был утвержден Ю.Н. Руденко. Все основные принципы работы секции строились по тем же правилам, что и работа семинара, и это обеспечило высокую эффективность ее работы.

Мои деловые и товарищеские встречи с Юрием Николаевичем продолжались 21 год – сначала на заседаниях семинара по надежности, а потом и секции, в состав членов которой я был введен. Были встречи и в Иркутске, когда меня приглашали для участия в заседаниях специализированного совета по защитах диссертаций в СЭИ, и в Горьком, куда Юрий Николаевич приезжал несколько раз по служебным делам.

Если вначале наши встречи носили чисто деловой характер, то вскоре они переросли в товарищеские. По завершении деловой части всегда проходили беседы на вольные темы за дружеским ужином. Когда встречи бывали в Иркутске, а затем в Москве, то активное участие во всех наших беседах принимала супруга Юрия Николаевича – Инна Вячеславовна. Последняя встреча состоялась в августе 1994 года (за два месяца до смерти Ю.Н. Руденко) в Ахене (Германия) на российско-германском семинаре «Надежность электроэнергетических систем».

Юрий Николаевич всегда производил впечатление здорового и крепкого человека, и внезапная его смерть поразила всех близких и друзей. Конечно, это случилось, прежде всего, вследствие чрезмерно высоких нагрузок, которые он допускал. На заседаниях семинара, которые проходили с высокой деловой активностью участников, большинство из нас к концу каждого дня заседания

чувствовали себя предельно уставшими, а Юрий Николаевич сохранял способность активно воспринимать рассматриваемые доклады. А после заседания, еще собиралось оргбюро, его хватало и на это.

Анатолий Франс сказал: «Чтобы переваривать знания, надо поглощать их с аппетитом». Так у Юрия Николаевича на знания был волчий аппетит, которым он заражал и других, что давало высокую удовлетворенность участием в работе семинара.

На всех, кто в той или иной форме работал с Юрием Николаевичем, оказывали громадное влияние его личные качества: широчайший уровень знаний и интересов, огромная работоспособность, высочайшая ответственность и обязательность, требовательность к себе и окружающим его в работе специалистам, а также мягкость и интеллигентность в общении. Светлая память о Юрии Николаевиче, выдающемся ученом и организаторе науки, уникальном по своим человеческим качествам человеке, навсегда сохранится в сердцах и делах всех, кто имел счастье общаться с ним.

Заключение

Жизнь и деятельность Юрия Николаевича Руденко стали ярким отражением эпохи – трагической, полной испытаний, но и отмеченной великими научными свершениями. Пройдя через личные утраты, войну и лишения, он силой воли, самообразованием и невероятной работоспособностью поднялся до вершин отечественной и мировой энергетической науки. Его научное наследие, связанное с системным подходом к управлению и обеспечению надежности энергокомплексов, остается актуальным и сегодня.

Однако пожалуй, не менее значимым наследием является его человеческий образ. Воспоминания коллег и друзей рисуют портрет человека кристальной честности, бескомпромиссной принципиальности, ответственного руководителя и преданного друга. Он сочетал в себе требовательность и строгость с глубочайшей интеллигентностью, отзывчивостью и мягким юмором. Его умение создавать творческую, демократичную атмосферу в коллективе, его «донкихотская» в лучшем смысле этого слова преданность долгу и идеалам служения науке и стране стали эталоном для всех, кто его знал.

Скоропостижная кончина Юрия Николаевича в разгар общественных потрясений 1990-х годов символически завершила жизненный путь человека, чья система ценностей и мировоззрение сформировались в иную эпоху и вступили в болезненное противоречие с новой реальностью.

Его уход – это потеря не только для науки, но и для российской интеллигенции как сословия, для которого понятия чести, долга и служения были не пустыми словами. Память о Юрии Николаевиче Руденко – ученом, организаторе и человеке необычайной душевной силы и обаяния – навсегда останется светлым и вдохновляющим примером.

¹ Из книги «Академик Юрий Николаевич Руденко. Воспоминания о жизни и деятельности». – Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2001. – 295 с.